

Эльчин Асадов

С БОГОМ НА ТЫ

18+

Эльчин Асадов
С Богом на Ты

«Автор»

2026

Асадов Э.

С Богом на Ты / Э. Асадов — «Автор», 2026

Роман Эльчина Асадова «С Богом на ты» повествует о жизненном пути главного героя Эрнана, который находится на стыке времён и переживает смятение души. Эрнан отправляется к святой горе Бешбармак, чтобы постичь духовное исцеление. На пути паломничества, герой вспоминает эпизоды из прошлого, которые ему предстоит пережить заново. Хватит ли у него сил открыть своё сердце новым чувствам и найти гармонию внутри себя? Решения, которые он примет изменят не только его судьбу, но и будущее всего человечества.

© Асадов Э., 2026

© Автор, 2026

Эльчин Асадов С Богом на Ты

Баку – 2019

Предисловие

То, что заставило меня написать эту историю, вовсе не означает, что это – сочинительство от безделья или от безысходности. Человек берет в руки перо, когда ему есть что поведать миру, в противном случае этого не стоит делать. И если мы повествуем о случившемся событии на свой лад, не умаляя и не прибавляя ни йоту собственного, мы вносим в копилку Вселенской души крупицу истории ещё одной жизни.

Ознакомившись с этой книгой, читатель, ты почувствуешь вакуум, который приблизит тебя к лику Бога.

Услышав это откровение, я несколько дней сосредоточенно воспроизводил в памяти некоторые эпизоды из жизни Эрнана, и только в последний миг решил о ней поведать.

Блажен приходящий с покаянием, и блажен вдвойне тот, кто терпеливо слушает это небывалое признание!

Книга «С Богом на Ты» – это калейдоскопический этюд сбывшихся желаний и реализованных фантазий, параллельно сопровождаемых Великим Чудом, зачастую называемым нами Предопределением и Благодатью.

ПРОЛОГ

Юноша по совету однокурсника, не мучаясь какими-то комплексами или стеснением, в первый раз в своей жизни отправился вместе с ним в притон.

Не особо разборчиво выбрав себе в напарницы для сладких утех путану среднего возраста, он «утонул» в ней и не почувствовал, как сразу же вошёл в клуб повзрослевших и возмужавших ребят. Освобождение от переполнявших его доселе чувств похоти не запечатлелось в нём, как это случается у девственниц, трепетно относящихся к первому любовному опыту. Просто в юноше пробудилась пора активной половой зрелости. И именно с первого раза он завёл дон-жуанскую тетрадь, куда затем вносил имена покорившихся ему одиноких, праздных, несчастных женщин. В этой коллекции насчитывалось ни много ни мало около шестидесяти женщин.

Но лишь две из них оставили в его раненой одинокой душе глубокий неизгладимый след, от которого он не смог избавиться уже никогда.

Эти две женщины были для него наказанием за беспутную, беспечную, безответственную жизнь, которую он вёл, жестоко играя на тонких струнах женской души. А наказание было в том, что эти две женщины были очень похожи. И обе от него ушли. Ведь победы забываются, а удары помнятся. И он в полной мере ощутил на себе, что такое горечь утрат.

Но через боль Возмездия к нему вернулись очищение, благоденствия, Прямой Путь. А первобытный страх перед оскорблением ближних привёл его к мятежному исканию Правосудия и Самобичевания.

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран.

Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.
Его таинственная сила
Слова святые начертила,
На нем безвестная рука.

А.С. Пушкин.

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места – и в бытие я не вмещусь

Все то, что было, есть и будет, – все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь.

Имадеддин Насими.

Древо свободы должно время от времени орошаться кровью патриотов и тиранов. Это его естественное удобрение.

Томас Джефферсон.

«И вот, теперь мы видим формулу разбиения и невероятный прорыв, который был сделан. И, напоминая добился его тот чья оригинальность знаний была столь же поразительной как и его глубокомыслие. Конечно, можно спорить о важности работы Рамануджина и о влиянии, которая она возможно окажет на математику в будущем. Но, одно очевидно уже сейчас, ее уникальная и бесспорная оригинальность. Однажды мистер Литлвуд сказал мне, что каждая положительное целое это лучший друг мистера Рамануджина. Похоже это правда. Сам он сказал мне, что уравнение для него не имеет смысла если оно не выражает мысль Бога. И хотя все мое естество говорит мне об обратном, возможно, что он прав. Ведь по сути это и есть оправдание всей нашей абстрактной математики. Мы лишь исследователи бесконечности в погоне за абсолютным совершенством. Мы не изобретаем эти формулы, они уже существуют. Они просто ждут когда самые светлые умы вроде Рамануджина увидят их и смогут однажды доказать. И поэтому, в итоге я задался вопросом: « Кто мы такие, чтобы сомневаться в Рамануджине. И тем более в Боге?»»

Из фильма «Человек, который познал бесконечность».

ЧАСТЬ 1

Глава 1

2014-й год. Магистраль Баку – Губа.

По обочине трассы уже третий день подряд с небольшими остановками, сделанными для того, чтобы отдохнуть и утолить голод, шёл человек. Его чуть худощавое тело облегла дутая куртка. Слегка покрасневшую и обветренную шею обвивал шерстяной шарф. Свинцовые отяжелевшие ноги в стёртых ботинках еле передвигались под тяжестью брезентового рюкзака на спине. Опираясь одной рукой на палку-посох, он продолжал идти, перебирая в другой руке

крупные чётки из отшлифованного каштана. Человек походил на туриста, только что прибывшего в незнакомую страну за многовековыми чудесами и восточными приключениями.

Автомобили, мчавшиеся мимо, словно стрелы из выпущенного арбалета, не обращали на него никакого внимания и исчезали так же внезапно, как и появлялись. Ветер, рождённый их скоростью, трепал чуть длинные густые иссиня-чёрные волосы мужчины. Он остановился, подняв голову к небу, словно определяя направление ветра или предугадывая погоду на завтра. Удовлетворённый увиденным, мужчина медленно оглянулся и поморщился. К грунтовой части дороги бесшумно подъехал легковой красный автомобиль-седан и, проворно поравнявшись с ним, притормозил. Боковое водительское стекло плавно опустилось. Сидевшая за рулём девушка, мило улыбаясь, спросила:

- Вас подвезти?
- Нет, спасибо.
- Вы выглядите очень уставшим. Куда вам нужно?
- К горе Бешбармаг¹.
- К Бешбармаг? Пешим шагом... – задумалась девушка – ещё два дня пути
- Если быть точным, то полтора дня плюс два часа девятнадцать минут.
- Ого! Вы кто? Натуралист?
- Нет.
- Ладно, садитесь, по дороге расскажете.

Мужчина обошёл автомобиль, открыл заднюю дверцу, положил на сидение рюкзак и молча сел вперёд.

Глава 2

– Вам не стоит подвозить незнакомого человека, даже из чувства милосердия, – заговорил Эрнан. – В целях предосторожности.

Девушка, оторвав взгляд от дороги, покосилась на сидящего рядом попутчика. Она вдруг ощутила чувство защищённости, которое очень редко переходит в сферу неконтролируемой расслабленности. Ей показалось, что она знает его давно. Из снов, из прошлой жизни, из рассказов подруг...

– Не беспокойтесь. Женщины чувствуют опасность, исходящую от мужчин, – сказала она и нажала на акселератор. Машина рванулась, оставив позади облако серебристой пыли.

– Мне бы не хотелось отнимать ваше время, – виновато произнёс он

– Моё время давно отнято. Мы всю свою жизнь тратим его не на тех. Убиваем и тратим его бестолково, не щадя себя. А ведь время – это единственная роскошь, не имеющая цены.

– Да, вы правы. Оно бесценно.

– Меня зовут Сара, – сказала девушка.

– Рад знакомству. А меня зовут Эрнан.

Полупустая дорога не утомляла, как бывает порой при скоплении снующих автомобилей, тормозящих свободное движение. Накрахмаленные рекламные билборды вдоль шоссе с популярными телезвездами надоедливо предлагали сомнительную продукцию. Тусклый свет в окнах небольших домиков, хаотично расположенных по обе стороны дороги, напоминал в наступающих сумерках одиноких светлячков. Где-то поблизости залаяла собака.

– У вас необычное имя, – после недолгой паузы констатировала девушка.

– Отец назвал меня в честь Эрнана Кортеса, испанского конкистадора, завоевателя Мексики, уничтожившего государственность ацтеков. Но свою жизнь он, кажется, закончил не совсем весело.

Сара впервые улыбнулась, повернувшись к нему лицом.

– Не все судьбы схожи. Имя в какой-то мере определяет карму её носителя, но в итоге есть и другие факторы, влияющие на события жизни.

– Воспитание? – спросил он, поддерживая разговор.

– Воспитание, гены, близкое окружение, образование, климатические условия, политическая обстановка, ну и так далее.

– Насчёт воспитания это точно, а по поводу генов не знаю

– А по-моему всё не так уж и плохо, – игриво отшутилась Сара, объехав чёрный внедорожник.

– У меня всё обстоит иначе. Отец оставил мне плохие гены и кучу долгов, – усмехнулся Эрнан.

– Самоирония – это первая поправка в конституции самосовершенствования, – подчеркнула Сара с деловым видом. – Ваш тёзка был завоевателем и разрушителем. А вы по характеру разрушитель или?..

Пронзительный звонок мобильного телефона не дал ей договорить. Сара взглянула на телефонный дисплей, будто силилась расшифровать аббревиатуру имени звонившего. Телефон настойчиво звонил. Эрнан, отвернувшись к окну, услышал голос Сары:

– Фаррух? Да, всё нормально. Как у тебя? Отправил пригласительные? Хорошо, скоро буду. Ты тоже.

Она отложила телефон в сторону, рассеянно уставившись на дорогу.

– Всё в порядке? – поинтересовался Эрнан.

– Да, – не очень убедительно ответила девушка. – Это был мой жених. Мы вчера поругались. Представьте себе, накануне свадьбы у нас первый крупный скандал.

– Бывает и такое. Это не самое ужасное, что может с нами случиться, – успокоил ее Эрнан.

– Он хороший человек. Любящий, заботливый, простодушный. Но бывает, что доводит меня своими заранее предусмотренными планами. У него расписано всё по деталям, по мелочам: когда сменить квартиру, куда отправиться на уик-энды. Дата свадьбы и та запланирована.

– Да, несколько напрягает. А пол будущего ребёнка он тоже спланировал? – наивно спросил Эрнан.

Сара весело рассмеялась шутке и чуть задумалась: – А вы? Вы женаты?

– Нет. И ни разу не был даже помолвлен, – вздохнул он.

– Вы хвастаетесь или гордитесь этим? – серьёзно спросила она.

– Я делал попытки жениться несколько раз, но неудачно. Всё обрывается на полпути. Какая-то половинчатость во всём. Я не знаю, может это проклятие?

– Проклятие кармы, – поспешила поправить его Сара.

Впереди горела разноцветная реклама ресторана, зазывающая проезжающих путников. Несколько припаркованных на стоянке автомобилей ожидали своих засидевшихся хозяев. Становилось прохладно.

– Не хотите что-нибудь выпить? – спросил Эрнан.

– Не отказалась бы. К тому же и ноги разомну.

Чистый леденящий воздух обжигал. Дышалось легко, пульс бился с равномерной частотой, кровь циркулировала по всей системе организма, обеспечивая необходимую жизнедеятельность, особенно после высвобождения из замкнутого автомобильного пространства. Симптомы клаустрофобии доставляли Эрнану неудобство. Он ясно осознавал, почему избегал подземного транспорта. В метро не было воздуха, движущихся панорамных картин за окном и ни одного квадратного свободного стоячего метра. «Сплоченность людей, как законсервированных килек в одной банке братской могилы», – вспомнились ему слова отца из далёкого детства о подземном транспорте.

Поднявшись на второй этаж ресторана, они расположились за столиком у окна. Редкие посетители вели между собой непринужденные разговоры, абстрагируясь один от другого состоянием лёгкого опьянения и усталости, накопившейся за день. Где-то рядом закапризничал ребёнок. Мать попыталась его отвлечь, навязывая ему никчёмную игрушку-безделушку. Дитя на время успокоилось. Играла лирическая музыка. Тускло освещённое помещение создавало атмосферу таинственности, как перед включением прожекторов после бесконечной рекламы на реалити-шоу.

– Здесь очень мило, – заговорила Сара, оглядываясь. Подошёл официант, поздоровался, внимательно уставившись сначала на Эрнана, затем очарованно – на его спутницу. стоял в немом ожидании, словно барс, готовящийся к прыжку.

– Мне чёрный кофе, американо. Без молока.

Официант по неписанным законам этикета деликатно перевёл взгляд с Эрнана на Сару в той же манере вычурной строгости.

–Тёмное пиво, пожалуйста, – с деланной непринуждённостью ответила официанту девушка. Тот, стремительно чиркнув в маленьком блокноте незамысловатый заказ, удалился.

Эрнан не выпускал из рук любимые чётки. Он, задумавшись, уставился в окно, откуда был виден автомобиль Сары, и машинально перебирал бусины.

– Вы, кажется, непьющий? – осторожно спросила девушка.

–Абсолютно, – ответил Эрнан и опять уставился в окно. Сара ненавязчиво, с присущей женщинам наблюдательностью разглядывала его. До этого она видела его только в профиль, но несколько минут лицом к лицу создали в ней определенное впечатление. Его светлое лицо подчеркивали большие чёрные выразительные глаза, смотрящие то ли на собеседника, то ли сквозь него. У него был широкий лоб, длинный, слегка спускающийся вниз красивый нос, блестящие белые зубы. Чёрная родинка на правой щеке изображала нечто вроде символа инь-янь. Подвижные крепкие руки, словно созданные для жестикуляций, дополняли сильное мускулистое телосложение. Казалось, всё это в паре с деятельной физиомоторикой представляло собой солнечную магнитную активность, только, как говорится, без тёмных пятен на диске. Она ощущала тепловую энергию вокруг его биосферы, до которой невозможно было дотронуться, чтобы не обжечься, и непросто было отстраниться, не впадая в эту холодную воронку поднадоевшей повседневности круговорота. Она решила сохранить нейтралитет. Удобное ей умеренное расстояние для достижения баланса непродолжительного общения.

– Из-за того, что вы религиозны? – пыталась угадать она.

Эрнан поймал её взгляд, устремлённый на чётки.

–Моя вера запрещает употребление алкоголя. Я ещё задолго до того, как начал молиться, исключил все спиртные напитки из своего рациона.

Официант, неслышно подойдя, расставил на столе заказ и так же тихо отошёл. Эрнан поднёс к носу чашку, вдыхая аромат кофе, а затем, отхлебнув глоток, поставил её на блюдце. Девушка повторила тоже самое с бокалом пива. Они не спешили. У него в городе не было неотложных дел. А Сара не хотела возвращаться к монотонным будням. Через три недели у неё намечалась свадьба, а всплеска предсвадебных эмоций не было и в помине. Чего-то не хватало... Единственным адреналином повышенной энергии были скоростное вождение, иногда без соблюдения правил, и невинные шалости, порой безумные ребячьи поступки, чего так требовала её профессия художника-дизайнера, когда тянет ко всему новому и неизведанному.

Эрнан казался ей нетипичным человеком, которого можно, однажды приметив среди толпы, запомнить навсегда. Да, приметы запомнятся навсегда. Эта мысль не оставляла Сару в покое с той минуты, как зародилась. Она о нём почти ничего не знала, и её интерес к неизвестному мужчине выглядел не совсем приличным.

– Скажите, Эрнан, почему, когда человек любит в первый раз и ему не отвечают взаимностью, он думает, что это – конец света? Но впоследствии, испытав опять симпатию к кому-

нибудь и почувствовав взаимность, он внушает себе, что, полюбив опять, компенсирует несостоявшуюся первую любовь? В этом ли истина земной любви? И что странно во сто крат: полюбив потом второго, другого, человек не представляет себе, что смог бы испытать чувства сильнее прежнего.

Эрнан, наморщив лоб, посмотрел на неё в упор.

– Я согласен с вами. Инстинкт самосохранения любви – как у мужчин, так и у женщин, основывается на первичном опыте, на страхах, которые мы часто называем своими ошибками. Просто мужчины более инфантильны, закомплексованы, поэтому злопамятны, хотя и не забывают сделанное им добро. У женщин же вырабатывается стойкий иммунитет, фиксирующий и связывающий прошлое с настоящим на эмоциональном уровне, который даёт им шанс на прощение и востребованность в будущем. Большинство мужчин не живут с тяжким грузом, но есть люди, уважающие сизифов труд.

Сара обернулась на капризы хныкающего ребёнка, откуда-то подползающего к ней. Она нагнулась к нему с сюсюкающим видом опытной женщины, имеющей равные привилегии со всеми матерями, дающими новую жизнь. Эрнан неподвижно наблюдал за этой реалистической и вечной семейной «картиной в интерьере», лишней раз убеждаясь в божественно-великой силе женщины. Он однозначно ставил женщину на ступень выше мужчины без прав соперничества последних с Неизведанным Созданием.

За ускользнувшим от родителей ребёнком подошла женщина, не очень-то похожая на родственницу маленького создания, и аккуратненько подняла его. Малыш отбивался от няни своими пухлыми ручонками, требуя свободы. Женщина взглянула на Сару, молча отблагодарив за участие, и унесла капризничающего ребёнка.

– А у вас дети есть? – спросила Сара.

– Если вы имеете в виду внебрачных, то нет, не имею. Я очень люблю детей. Проблем с воспитанием – уйма, но и радостей от них немало. В суетливом Мире только детские шалости, крики, причуды и отвлекают, расслабляют людей. Как же без них? Ничто порой не вызывает такого чувства умиления, как взросление со своим первенцем.

– Из вас получился бы хороший отец, – подбодрила она его и тут же, услышав сменившуюся музыку, предложила: – Потанцуем?

– Вовсе не обязательно... – начал было Эрнан, но Сара, схватив его за руку, потащила в центр зала.

Пожилой саксофонист отрешённо исполнял джазовую музыку, словно обидевшись на целый свет.

– Я сейчас подойду, – сказал Эрнан.

Он не спеша подошёл к саксофонисту, что-то шепнул ему на ухо, деликатно положив купюру тому в карман. Никто не танцевал. Ребенок, за день наигравшись, спал в коляске. Мать малыша уже не так нервно ёрзала на стуле. Муж женщины доедал остатки ужина. Прозвучала музыкальная композиция 1989 года «LilywasHere». Маэстро, оживившись игрой, подмигнул Эрнану, приподняв саксофон и отклонившись назад.

– Знаете, Сара, я порой – за западные ценности в отношении семьи и брака, хотя многое из этого мне претит, – продолжил Эрнан развивать мысль, начатую его спутницей, ритмично двигаясь в такт музыке. – Мы хорошо должны были усвоить урок великой депрессии 1929-1939 годов. Это были тяжелые годы социально-экономических потрясений: голод, нищета, разводы. Рушились семьи, дети оставались практически без родительской опеки, семейной заботы. Само общество вошло в упадочное состояние из-за неустойчивой зыбкой почвы в Америке. Миф о благополучном и благоустроенном оазисе был опровергнут, пошатнулись устои. После немигнуемого кризиса возобновился институт брака, как некий совершенный макет общества. С наступлением оттепели упорядочились и межличностные отношения. Начали составляться брачные контракты, страхующие будущность семьи и прочное сосуществование. Совместное

проживание приносило радость без особых иногда обязательств, лишних затрат и головных болей. Имеющий контракт имел залог стабильности и, соответственно, гарантию. Отсюда – идеальная модель стандартной американской семьи: дом, семья, дети, работа. В каком-то значении мы – пережитки прошлого. Более 200-летней американской демократии пришлось многое пережить, проходя через сито независимости. Иное дело у нас. Меня, в частности, не прельщает шаблонная картина национального счастья семьи: официального или формального брака. Новоиспечённая азербайджанская пара устраивает свою жизнь чаще по указке родителей, реже – по своему усмотрению, не всегда при этом получив благословение семьи. После окончания школы парень поступает в высшее учебное заведение, а если не повезёт, то призывается на военную службу. После армии он устраивается на малооплачиваемую работу, и вот тут главный ход событий: он или же его родители торопят парня с женитьбой! И молодые, зачастую не имеющие под собой никакой материальной базы, подгоняемые родственниками, фактически не проверив чувств по отношению друг к другу вслепую женятся, сразу же заводят детей, нарекая их именами родителей или прародителей, не пожив какое-то время в своё удовольствие. А что дальше, спросите вы? А дальше одни обиды, разочарования и тотальные разводы. При таком стандартном раскладе всё предсказуемо до мельчайших деталей. Хотя я и не Нострадамус², но картина ясна. Даже не старайтесь предугадать. Всё на виду!

Всем этим Эрнан успел поделиться с партнёршей во время танца, в то время как посетители заведения смотрели на него во все глаза как на субъекта, наверняка имеющего огромный дефицит общения. Музыка смолкла. Эрнан и Сара вернулись к своему столику.

– Вы жестоко и как-то неутешительно обрисовали картину национального счастья, – впервые упрекнула она его. – По-вашему выходит, что ранние браки при неустойчивом экономическом кризисе приводят к повальным разводам?

– Да, именно так.

– Даже если в стране действует неписанный закон демографии? Проект, направленный на рост численности рождаемости, включающий в себя укрепление границ, уплотнение населения и заселение новорожденными крохотными гражданами необжитых территорий страны? Что в этом предосудительного?

– Ровным счетом ничего. Нацистская Германия поощряла ранние браки, предохраняя общество от блуда, и порицало неразборчивые порочные связи, приводящие к разложению общества, чтобы сохранить чистоту нации. Фашистская социальная программа семейного благоустройства противоречила на корню политическим амбициям мирового господства. В итоге – безымянное, осиротевшее и раздробленное послевоенное травмированное общество. В переходный исторический момент лучше не препятствовать представителю нации в сохранении нейтралитета и в праве иметь свободный выбор, чем загонять человека в рамки условного семейного счастья, которое, не состоявшись, оставляет после себя множество разбитых пар.

– Эрнан, более полувека минуло с Нюрнбергского процесса³, а вы так и не женились!

– Я за своё заплатил сполна. Понимаете, одним судьба даёт счастье создать семью, а они разрушают свой очаг. Сознательно или нет – неважно. Другие хотят свить семейное гнездо, но провидение или злой рок отнимают у них этот шанс.

Сара на вербальном уровне понимала, что жар, исходящий от этого мужчины, сжигает его самого больше, чем других. Она словно видела его жизнь: лёгкие победы, тяжёлые удары, большая рутина бытия, обременённая бесконечностью.

Перед её взором в голографическом изображении пронесли всадники в белых кандурах*, изо всех сил хлещущие коней, пытаясь настигнуть и окружить вражеский караван. Между переходным состоянием сонного трёхмерного изображения она видела столкновение двух неравных по численности войск. Кровавопролитное сражение в её видении закончилось

чудодейственным вмешательством небесных защитников и победой малочисленного войска над многочисленным.

В образах бессознательного, проплывающих мимо, Сара не увидела ни Эрнана, ни кого-либо, кто бы мог быть рядом с ним. У него не было особых привязанностей в жизни, иначе он не растрчивал бы своё время с первой попавшейся незнакомой девушкой. Было сразу заметно, что он не из таких. Что ему нужно? Мужчине сорок лет. Видать, таким бывает сложнее обрести счастье, чем безумому, бросающемуся в объятия любой женщины парню за двадцать, надувавшему жениться на каждой влюблённой и потерявшей от него голову девчонке. В такой трудный период среднего возраста сознательный мужчина пытается удержать и уберечь, а ни в коем случае не отогнать и потерять. Достаточно было взглянуть в его глаза, чтобы догадаться о его кровоточащих воспоминаниях из похороненной прошлой жизни. Когда, забившись в угол, человек, словно волк, зализывает раны, готовясь к последнему прыжку. Связав воедино услышанное за пару часов общения, Сара составила портрет потерянного мужчины.

– Я до последнего момента не собирался жениться. Пока не встретил ту единственную... – он хотел выговориться, но замялся,

– Что же произошло? – тихим голосом подбодрила его Сара.

– Она передумала выходить за меня. Ушла, ничего не объясняя. Спустя какое-то время она решила вернуться, но я был непреклонен

– Эрнан, послушайте меня. Любая сильная женщина, будь она хоть трижды Маргарет Тэтчер, пасует перед упорством и волей. У нас первородный страх перед господством мужчины. И таких мы уважаем, хотя не признаем себе, что побаиваемся их. Но никогда не отпустим от себя, как бы мы не злились, разве только чтобы потом, остыв, вернуть их.

– Мы всё равно никогда не узнаем правду о том, что думают о нас женщины, – ответил он.

Они залились громким веселым смехом, пока не заиграл рингтон на мобильном телефоне, оповещая Эрнана о вечерней молитве. Прозвучавший азан⁴ и будильник были единственными настроенными функционирующими ориентирами для него за последнее время, а всю оставшуюся часть суток телефон находился вне зоны доступа.

– Ну, мне, наверное, пора, – сказал он и знаком подозвал официанта. Тот кивнул головой и быстро явился со счётом. Эрнан расплатился и пошёл с Сарой к выходу. У автомобиля он остановился и, уважительно взглянув на Сару, сказал:

– Отсюда я пойду один. Благодарю вас. Вы много для меня сделали.

– Это я вас благодарю. Редко встретишь мужчину, познавшего самого себя и окружающий его неидеальный мир, – улыбнулась она ему и неторопливо села за руль. – Мы ещё увидимся? – спросила Сара и, не дожидаясь ответа, протянула Эрнану визитную карточку, извлечённую из сумки.

Он спрятал карточку в нагрудный карман куртки, затем тщательно проверил пальцем – на месте ли она.

– Берегите себя, Сара. И никогда не обманывайтесь в окружающем вас неидеальном мире.

Девушка развернула машину с грунтовой дорожки и выехала по автостраде на ту сторону, куда ушёл Эрнан. Глаза постепенно освоились в темноте, но фокус зрения всё же не очень чётко различал предметы. Сара включила дальний свет и вгляделась в пустоту. Впереди показалась еле заметная фигура, меняющая форму и очертания. Затем она превратилась в точку и исчезла совсем. Сара, опершись подбородком на руль, сидела в оцепенении несколько секунд, уставившись то ли на темнеющую впереди дорогу, то ли обволакиваясь магией автомобильного света, как вдруг, встрепенувшись, рассеянно поправила волосы и торопливо покатила в противоположном направлении.

Опустились сумерки. Ноябрь протекал умиротворённо и умеренно, без печальных, драматических, запоминающихся чёрных дат в календаре, как и весь уходящий год. Зато хронология событий, происходящих в мире, не предвещала никому в целом спокойствия и беззаботности, включая тех, кто считал себя непричастными к общему, и даже тех, которые, заявляя: «Моё дело – сторона», оставались неосведомлёнными. Год особенно запомнился смертью двух знаменитых теноров, пышными похоронами двух не менее знаменитых актеров, а также побегом политика правящей партии – министра финансов и укрытием его спецслужбами другой страны.

Уже к середине ноября деревья, отбросив своё покрывало из жёлтых листьев, бесстыдно обнажились, словно нудисты в знойную жару.

Отсутствие ветра всё же не спасало от морозного воздуха, который при дыхании дикарём врвался во внутренности и до посинения иступлённо- виртуозно играл на человеческих костях.

Эрнан любил ноябрь и называл его перешейком, соединяющим два уникальных, на его взгляд, месяца – Красный Октябрь и Белый Декабрь.

Таинство ноября, сокрытого и стиснутого между двумя месяцами, служило для него путеводителем, багровым маяком, своего рода исчислением на пути нового магического этапа. Оно знаменовалось для него либо очищением и завершением бесконечных рутинных дел, либо стремлением объять необъятное. Когда-то давно, в начале девяностых, когда святые ориентиры – чувство патриотизма и чувство долга были стёрты произошедшими событиями, начался массовый отток из страны людей, большинство из которых составляла золотая интеллигенция. В поисках желанной отдушины люди с остервенением, без оглядки и навсегда покинули страну.

В те мрачные годы у Эрнана что-то щёлкнуло в груди. Он не уехал, остался, но жить как прежде не мог. В душе словно прорвалась незримая плотина. Восстановить его душевное равновесие теперь было делом разве что Божьих рук.

Этот день и сегодняшнее случайное знакомство с Сарой необычно отметились в спектре событий личной жизни Эрнана.

– Но насколько оно было случайным? – не переставая задавался он вопросом.

Эрнан вспомнил, что не совершил вечернюю молитву. Включённые фары редко проезжающих машин били ярким светом в лицо. Прищурившись, он продолжал идти, всё больше чувствуя давивший на спину рюкзак. Глаза слипались от усталости и непреодолимого желания заснуть. Непроизвольное постукивания друг о друга камушков чётко возвращало его в реальность из грёз сна. Через полчаса ходьбы он остановился, глядя на поле слева от дороги, не намереваясь извлекать спальный мешок для ночлега, сознательно избегая непредвиденных форс-мажорных ситуаций в лице нетрезвых местных жителей, злой собаки и всяких ползучих тварей.

Когда Эрнан прошёл километра два, ему показалось, что он видит впереди минарет. Туманное сооружение по мере приближения становилось всё более чётким, и он увидел горделиво стоящую придорожную мечеть. Она, судя по всему, была построена гораздо позже, после приобретения республикой независимости. Божьи дома – мечети, церкви, синагоги – в бывшей атеистической империи не являлись столь посещаемыми и социально-актуальными, как теперь, а были просто древними архитектурными строениями, украшающими характерное лицо восточной страны. Динамичный темп нового суверенного государства окончательно повернул общественность в сторону наживы материальных ценностей, эфемерных непостоянных радостей, так что никакому бизнесмену и в голову бы не пришло заняться богослужебной постройкой на свои кровные сбережения. Очевидно личные инициативы отдельных общественных деятелей и порывы иных государственных чиновников в деле развития социальных институтов, в том числе влияние религиозной идеологии и морали на умы не поощрялись. да и помимо этого идеи набожности казались непригодными. Рядом с мечетью, по правой её сто-

роне, было небольшое второразрядное кафе. Эрнан наскоро подкрепился, утоляя наступивший голод картофельным пюре с куриной грудкой, и, расплатившись, спросил у официанта:

– Скажите, если идти по прямой, можно ли будет выйти к горе Бешбармаг?

– Километра через три, если держаться левой стороны шоссе.

– Точнее, через два километра, – заметил Эрнан, взглянув на циферблат часов.

Официант, внимательно присмотревшись к клиенту, выпрямился, будто что-то вспомнил, и неуверенно спросил:

– Простите, я не мог вас раньше где-то видеть?

– Вполне может быть, – ответил Эрнан.

– Через два километра возле шоссе у подножия горы располагается святое место – Пир Хызыр Зунджа. Обычно там и останавливаются паломники и верующие для совершения молитв и поклонений. Ну, а если вам нужно к самой горе, – тут официант понимающе посмотрел на рюкзак, – придётся подниматься на высоту 1200 метров.

Эрнан за основательное объяснение прибавил официанту чаевых, поблагодарил и никем незамеченным вошёл в мечеть.

Скромность мечети сразу бросалась в глаза: никакой расписной помпезности, молитв на стенах, роскоши позолоченных арабских росписей, лишь внутренняя часть единственного центрального купола была отделана орнаментом в духе азербайджанских строителей начала XX столетия, на котором читалось слово «Аллах». Подобная скромность как бы разрушала стереотипы архитектурной композиции того и более позднего периода.

У входа в мечеть было нечто вроде маленькой прихожей-гардеробной. Эрнан заметил возле неё встроенное в стену окошко, соединяющее мечеть с выходом на трассу. За столом у окошка сидел тучный пожилой мужчина, на голове которого была белая кипа, связанная из редких серебристых нитей.

– Почему они прикрывают венечную чакру на макушке? – задумался Эрнан, присмотревшись к мужчине. – Не это ли единственная связь человека с Богом или с Космосом? Получаемую свыше энергию индивид использует не всегда верно, а зачастую даже не во благо ни себе, ни другим. Бесчисленное множество раз я видел в мечети молящегося человека с покрытой головой и голыми ногами без носков, и людей с непокрытой голову и голыми ногами приходилось видеть. Ни в первом, ни во втором случае человек не удерживает в себе получаемую двумя путями энергию – из Земли и Космоса. Энергетический поток, получаемый человеком в мечети, можно получить, обнажая шишковидную железу, она же и верхушка головы, и удерживать его в себе, надев носки, на время прикрывая ноги. Просто не стоит прикрывать или обнажать одновременно все чакры для прохождения энергетической силы.

Мужчина за столом молчаливо и со знанием дела механически принимал от проезжающих мимо путников записки, в которых были написаны имена усопших родственников. Очевидно позже мулла по списку прочитает по ним панихиду – молитву «Ясин» за упокой всех обозначенных в списке душ.

– Простите, я могу сегодня переночевать в мечети? – обратился Эрнан к служителю мечети, как только тот прикрыл окошко.

Мужчина, ненадолго задержав взгляд на незнакомце, поправляя тетради на столе дружелюбно ответил:

– Это, конечно, не отель высшего класса, но двери дома Аллаха открыты для всех. Я – Гаджи Рагим, служу при этой мечети.

– Спасибо. Меня зовут Эрнан Абдуллаоглы.

– Эрнан Абдуллаоглы... – вслух повторил мужчина, уставившись на стену. – Не мог ли я раньше слышать ваше имя?

– Вполне вероятно, если учитывать, что многие имена в произношении очень созвучны и схожи. Легко ложатся на слух.

– Совершенно правильное замечание. – кивнул массивной головой Гаджи Рагим. – Присаживайтесь, пожалуйста, я угощу вас чаем. Вам нравится имбирный чай?

– Думаю, имбирь мне сейчас в самый раз.

– Намереваетесь подняться к горе Бешбармаг? – спросил служитель, снимая электрочайник с подставки и знаком головы показывая на рюкзак.

– Это противозаконно?

– Не каждый может подняться на гору. Порой одного желания и воли бывает недостаточно. Мы живём на стыке времён, перемен и явлений. – Мужчина налил чай в чашечки и сел напротив Эрнана. – Пятипалую гору называют ещё и горой Хызыр Зинда. Хоть местность и предназначается для паломничества, но совершают этот ритуал только лишь исключительные люди.

– Хочется надеяться, что я не напрасно прошагал сорок километров из столицы. – Вы сказали Хызыр Зинда?

Гаджи Рагим подробно и основательно поведал о бытующем мифе о пророке Хызыре, который носил зелёные одежды в поисках эликсира жизни. Пророк успел побывать и в окрестностях горы Бешбармаг, где нашёл источник живой воды в Подземном царстве. Не раздумывая, он напился из источника и обрёл бессмертие. Спустя время жители стали называть это место его именем – Хызыр Зинда (Хызыр Зунджа).

– Эликсир жизни... – задумчиво произнёс Эрнан

– Да. Зульн-Карнайн, по одной из версий, в поисках живой воды обратился к Хызыру. Святой отвёл его к двум родникам, где из одного текло молоко, а из другого – мутная вода, и сказал, что можно выпить только из одного источника. Искендер выбрал молоко. Хызыр же выпил мутную воду, благодаря чему обрёл бессмертие.

– В восемнадцатой суре Корана упоминается о Зуль-Карнайне, – воодушевленно прибавил Эрнан, отпивая горячий имбирный напиток.

– Абсолютно верно, – радостно улыбнулся Гаджи Рагим, словно встретил родного человека, с которым можно будет поворошить давно забытое. – Зуль-Карнайн в переводе с арабского означает «обладающий двумя рогами» Но такое толкование имени Зуль-Карнайна неизвестно. Одни называют «рогами солнца» Восток и Запад, другие объясняют это тем, что он владел Румом и Персией.

– Выходит, Зуль-Карнайн и Искендер – это одна и та же личность с двумя разными именами!?

– Согласно некоторым преданиям, – продолжал служитель, – имя Зуль-Карнайна было Искендер, в связи с чем его обычно отождествляли с Александром Македонским (Искендером Двурогим), который, к тому же, был изображён на монетах, как воплощение рогатого бога Зевса – Амона. Другие видят прототип Зуль-Карнайна в Кире Великом или Соломоне. Некоторые современные исследователи считают, что прототипом мог быть даже византийский император Ираклий. Все комментаторы сходятся в том, что Зуль-Карнайн был великим царём, предполагая, что им мог быть персидский царь Дарий, нихлахмидский царь Аль-Мунзир, йеменский царь аль-Акран («рогатый») и многие другие. Некоторые историки – Аль-Куртуби, ат-Табири, Ибн-Асир утверждали, что Зуль-Карнайн проживал во времена пророка Ибрахима (Авраама) и совершил вместе с ним паломничество в Мекку. Зуль-Карнайн проповедовал единобожие и призывал другие народы следовать Божьим законам. Аллах даровал ему великую власть против язычников, в которой он преуспел, завоевав огромные территории Азии и Европы.

– Но ведь Коран, – мягко прервал Гаджи Рагима Эрнан, – приписывает Зуль-Карнайну подвиги, которых у Александра не было!

– Ни больше не меньше, когда ясен общий знаменатель. Да, Коран приписывает ему завоевания, которых не было у Александра, – повторил Гаджи Рагим. – К примеру, войны Яджудж

и Маджудж. Выступая против варварских племён, творящих бесчестия по отношению к другим народам, Зуль-Карнайн построил между двумя городами стену, а щели между блоками залил расплавленным железом. Это не та стена, которую сегодня называют Великой Китайской стеной. Незадолго до дня Страшного суда Яджудж и Маджудж должны пробить в этой стене брешь, совершая нашествия на другие страны. Суть Коранического повествования состоит в том, что всё, сотворенное великим царём Зуль-Карнайном, было даровано ему могущественным Аллахом.

Время на настенных часах перевалило за полночь. Проезжающие автомобили всё реже припарковывались рядом с мечетью. Через боковое помещение Эрнан замечал верующих путников в состоянии благоговейности, которые разувались перед входом в мечеть, соблюдая ритуал вековых традиций для совершения намаза. Построенное рядом кафе работало круглосуточно, обслуживая дальнобойщиков, туристов и завсегдаев из разных социальных слоёв. Голоса снаружи звучали в унисон с дребезжанием чашек, блюдец, ложек, внутри царил аромат свежесваренного ленкораньского⁵ чая, перемешиваясь с резким запахом никотина. Эрнан, ощутив едкий табачный дым, фыркнул, сдержанно поморщившись.

«В наш неустойчивый век всяких соблазнов и грехопадений, если бы человеку, допустим, при его жизни позволили бы ознакомиться с Книгой его судьбы полностью – от рождения и до самой смерти, то возможно разумный из нас не позволил бы себе зигзагов предсудительности, ведущих в тёмное никуда, и постарался бы жить счастливее без сомнительных эндорфинов, стимулирующих нездоровый образ поведения, в первую очередь во вред своему организму, а во-вторых – окружающей среде. Но большинство из нас со свойственными человеку слабостями растрчивает своё время и изнашивает своё тело. Сдаётся мне, что у Господа к каждому рабу будут свои вопросы, с каждого – отдельный спрос. Разговор будет очень длинным. А общий вопрос для всех будет удивительно прост: «На что ты убил Время?» И вряд ли мы сможем найти на него вразумительный ответ».

Гаджи Рагим наполнил опустевшие стаканы новой порцией чая. Его умиротворенность, вкуче со спокойным монотонно-мелодичным голосом, подтолкнули бы к откровенности любого собеседника, не боявшегося злоупотребить чужим терпением. Нельзя было сказать, что он выглядел уставшим, разбитым от повседневной однообразной рабочей рутины. Казалось, ему доставляет удовольствие чувствовать свою необходимость, оказывая помощь и всевозможную поддержку ищущим спасение, и делиться познаниями, которыми обладает, и он делал это не навязчиво и мило.

– С вами что-то не так? Вы же здесь не случайно? – мягко спросил Гаджи Рагим, прервав блуждающие мысли Эрнана.

– Да с нами со всеми всё не так.

– Что, простите? – вновь переспросил служитель мечети.

Люди встречаются, расстаются, хаотически сменяя изначальное местоположение друг друга в системе взаимосоприкосновений мироздания на бесконечно неизвестное. В этом широчайшем мегаполисном обзоре люди-точки становятся непересекающимися параллелями.словно маленькое государство-анклав, запертое внутри другого большого государства. Это как состояние человека-аутиста, который не заговорит с тобой никогда, если даже признает, и при встрече избежит общения. Люди, случайно повстречавшись мимоходом, на пару секунд, в миллионной комбинации вероятностей могут не встретиться никогда. Таковы теперь ценности нового мирового распорядка. Аморального, оплётанного, обгаженного, бесноватого мира!

– Я чувствую, что вы опасаетесь мне открыться. Расслабьтесь и отпустите себя, ведь мы находимся в доме божьем. Возможно, мы с вами никогда не увидимся. Так что вам нечего терять.

Эрнан поразился силе, распознающей мысль, силе магической телепатии, предугадывающей и определяющей любое изменение в состоянии человека. Несомненно, человеческий мозг является самой неизученной и таинственной областью науки.

– У меня ощущение, что Бог меня покинул. Я хочу вернуть Его расположение, – глухо вымолвил он.

– Об этом Богу лучше известно, – в тон Эрнану, но более мягко ответил Гаджи Рагим. – Нам порой кажется, что у нас ничего не получается. Что бы мы ни делали, не начавши рушится. Наверное вера постепенно, словно огонёк лампы, угасает в нас, путая наши мысли, притупляя наши чувства. Мы ещё даже не начинаем делать первые шаги к новому намеченному, а сомнения уже сбивают нас с пути. Только очень поздно очнувшись мы начинаем осознавать, что не туда свернули. Вот так мы с первых же минут предаём себя, а затем и свои мечты. Но не отчаивайтесь, вы ещё молоды.

– Скоро мне будет сорок, а у меня такое чувство, будто я прошёл мимо какого-то необъяснимого Великолепия и мимо не знаю чего, но определённо Прекрасного, и оно зловеще, будучи совсем близко, надменно не снизошло до меня, не пожелало коснуться меня рукой. Не могу сказать, как давно я в немилости у капризницы-судьбы, но незаметно для себя я начал терять с таким усердием заработанные по жизни очки.

– Это ведь круче, чем потерять оптические.

Эрнан сдержанно улыбнулся остроумию богослужителя, в то время как Гаджи Рагим продолжил мысль, боясь ненароком обидеть собеседника столь неприхотливым юмором. За последние десятилетия своевременный, спонтанный, искренний незатейливый юмор стал цениться намного больше и засчитывался как продукт высококачественного ума. И поскольку именно такой юмор был в дефиците, люди обходились с ним более чем снисходительно, а по прошествии времени многие научились смеяться над самими собой. Но это уже был редкий драгоценный дар, который человек мог себе преподнести.

Таким даром, если не сказать особой чертой характера, обладал и Эрнан Абдуллаоглы. Он был предельно требовательным к себе, не прощал промахов и ошибок, и был абсолютным трудоголиком – от школьной парты и по сей день. Таким он был по отношению и к себе, и к другим. Он шёл с чётко выработанной программой по намеченному пути, иногда перепланировывая дела, перекидывая время, передвигая цели по ходу развития общих событий. Правильность порой мешала его гибкости, но заложенные в нём активный темперамент оперативности, ответственности, дисциплинированности, непроизвольная демонстрация своих незаурядных способностей, доброжелательное, но осторожное отношение к окружающим представляли его обществу как аккредитованную, внушающую уважение личность.

В отношениях с людьми, несмотря на их социальный статус, Эрнан всегда придерживался определенных этических стандартов. Он умел держаться со всеми на умеренном расстоянии в соответствии с выработанной самим моделью: близкое – это дальняя дистанция. Это его известное золотое правило близкого расстояния заключалось в том, чтобы держать объект – человека – на расстоянии вытянутой руки. И ни на миллиметр ближе или дальше. По этому принципу он, может, и не допускал ни с кем фамильярности и панибратства, кем бы этот человек ему не приходился. Некоторые скажут: «Как же такое возможно?» Эрнан жёстко соблюдал свои правила: чужих не жалел, чтобы свои боялись, своих же не миловал, чтобы чужие остерегались. У него не было таких понятий, как родство, соседство, землячество, единомыслие и т.д. Слово «своё» вмиг могло перевоплотиться в «чужое», и наоборот. И поэтому Эрнан законно руководствовался двумя критериями: «моё» – «не моё», «мой человек» – «не мой человек».

Сейчас, сидя напротив этого милого сердобольного человека, он имел возможность дать волю чувствам и подпустить того на известное расстояние, не забывая, разумеется, о своих условных рефlekсах на всякие свойства проявляющихся демонов, сидящих внутри каждого человека, каким бы ангелом он не казался.

– Потерянные очки, а с ними и допущенные ошибки, учат нас Чувству Долга и Ответственности, – продолжал Гаджи Рагим. – Вам почти сорок, это сакральное число. Многим посланникам именно в сорок лет с божьей милостью было дано пророчество. Вспомните историю религии: Муса (Моисей), Мухаммад, как и большинство из них... Не в этом ли наполненном осознанной мудростью лет возрасте они вступили на святую дорогу, на путь битвы, на тропу войны с собственным внутренним миром и неизведанным чужим внешним миром?

– Семьи избранных личностей не препятствовали им в их становлении. Среда не чуждалась их, почитая за странных, оторванных от всех людей, и не категорично считала их сумасшедшими.

– Семья порой бывает преградой для осуществления божественной миссии. Так уж угодно Аллаху – при рождении отгородить от семьи, особенно избранных своих пророков, сделав их сиротами. Первым предателем на пути к становлению, как вы верно заметили, становится семья. Именно она первая восстает против тебя: обвиняет, критикует, попрекает, отдаляется, нередко выгоняет из дома, но я намеренно пропускаю пока стереотипную мысль о помешательстве, юродивости, чтобы вернуться к ней.

Значит для проявления Божьего замысла требуется родиться сиротой и взрастить, воспитать себя, как и все великие личности. Это – аксиома, не требующая доказательств. Возможно иногда выглядеть и нестандартно, скажем, не как все! Знаете, я очень сомневаюсь, что если бы современной медицине пришлось устанавливать психотип личности, своего рода психологический портрет Мухаммада, она бы дала точное определение. Более чем уверен: диагноз оказался бы нелестным и нелепым медицинским заключением на основе приведённых общественных фактов о слуховых и зрительных галлюцинациях. Психиатрия вывела бы шаблонный безапелляционный диагноз: параноидально-маниакальная шизофрения. Пророку Мусе, единственному среди пророков, который претендовал на персональное общение с Богом, не удалось бы в нынешних условиях избежать подобного медицинского вердикта. Точно так же и сотням тысяч других святых. Они жили в другом временном измерении, неподвластном общепринятому пониманию. Они имели разрешение свыше входить в состояние наивысшего Апогея, оставаясь заведомо вменяемыми личностями. Их мысли, поступки, всё, чему обязана мировая религиозная культура, – живое воплощение и свидетельство этого. За всё, на чём держится этот нравственный мир, человечество с благодарностью обязано им. Сейчас, в преддверии явных казусов, происходящих поминутно и везде, в скрытых и явных проявлениях конца света, при тотальном человеческом ослобнении в мире перевёртышей утверждать или заявлять что-либо категоричное с позиции Всемирной Организации Здравоохранения было бы безосновательным, недоказуемым и опрометчивым.

– Выходит, семья – это всегда помеха для личностного роста, свершений, открытий? Должен же быть какой-то выход, золотая середина между житейской, бытовой практичностью и здравомыслием? В конце концов, не всем же, чтобы постигнуть истину, необходимо прожить одному, как Будда⁶, семь лет в лесу!?

– Впрочем, так оно и есть, если не исключать необходимость, скажем, творческой природы в условиях многолетней семьи забиваться в угол и, обособившись, остервенело заниматься во имя науки высшими идеалами! Этой натуре требуется всего лишь невмешательство в его мир, где он созерцает тишину и покой! И всё будет в порядке, личность от этого только выиграет, какой бы эмоциональной семья не была. Те, кто нам мешают, те нам и помогают. Но не всегда семья становится камнем преткновения на пути достижения желаемого результата. Закон всемирного тяготения Ньютона был великим открытием, как и множество других научных теорий, благодаря его жизненной необременённости: не было пожилых родителей, о которых нужно было заботиться, голодных детей, спящих по дому, и жены, ворчавшей по поводу и без, и по праву требующей должного внимания.

– В основе всего вами сказанного нет ничего странного и необычного, как доминантный парадокс и как подтвердившийся неоспоримый факт. Из этого следует: не будь Ньютон одиноким, наука бы не сразу обогатилась законом гравитации. Свои изыскания он вёл глубоко поглощенным в себя, изредка оставляя свои мысли и обращая рассеянный взгляд на окружающих. Случай с яблоком – это явный пример, подтверждающий свободное времяпровождение учёного. Волею судьбы Ньютон первым пришёл к идее о гравитации между двумя любыми телами во Вселенной, но за много лет до него в состоянии гравитационной сингулярности, в то самое состояние наивысшего Апогея, о котором мы упоминаем, входил Мухаммад. Только при вхождении в сингулярность пребываешь в бесконечном, определяющем пространство и время. Именно в таком состоянии, именуемом нами откровением, как особый канал с Богом, были написаны все святыя книги. Коран писался в течение двадцати трёх лет по мере получения информации свыше. Убеждён, что между Божьим словом и научными изысканиями следует обязательно поставить знак равенства. Мне-то абсолютно ясно, что нет конкретной определяющей грани между безумством и гениальностью.

– Вы очень смелый человек, раз говорите то, что думаете, – сказал Гаджи Рагим, уважительно подняв брови. – Человеческая природа противоречит такой искренности, впоследствии эволюционировав и выработав иммунитет недоверчивости. Я видел в своей жизни многих людей, говорящих не то и не о том. В памяти остались и такие, которые думали одно, говорили другое, а поступали совсем иначе. Я только теперь почувствовал, что вы не особо считаетесь с общественным мнением, каким бы правильным или ошибочным оно не представлялось....

– Я всего лишь завершил ваши мысли, Гаджи, – скромно ответил Эрнан. – И один Бог знает, когда я начал жить без оглядки на общественное мнение, но и в противовес ему никогда не шёл. Под влиянием клерикализма усилилась роль религии в общественном сознании, но лишь в интересах господствующих классов, не считающихся с набожностью народных масс. Мнение народа не обсуждалось в чиновничьих кругах и всегда подвергалось сомнениям. Религиозные чувства общества умело эксплуатируются и используется правительством в спекулятивных целях. С этой-то идеологической подачи и создаются в классово-антагонистическом обществе условия для возникновения новых философско-религиозных течений, сект, учреждений, разного рода экспериментаторских институтов.

– Да, пилюлю вы мою не подсластили, – Гаджи Рагим задумчиво и растерянно провёл рукой по щетине, слегка притронувшись к лицу. – Как вы считаете, может ли намеренное высвобождение общественных отношений от влияния религиозной идеологии, морали, догматов, суеверий и так далее привести к каким-либо последствиям, не затронув сильно устой государства?

– Не думаю, Гаджи. Секуляризация – это одна из нетипичных модных форм демократии, предоставленная для института религии, пусть и вызывающая раздражение обнаженностью плюрализма, вседозволенностью и неадекватным человеку поведением. Право выбора гражданину даётся всегда, допустим, не самим подконтрольным государством, но изначально предопределённое Всевышним.

– Мне одновременно и странно, и страшно слышать от вас такие слова, Эрнан. Странно потому, что вы говорите с определенным пониманием и распознаванием до мельчайшего сути вещей, а страшно потому, что как бы не привёл этот свободный выбор человека к массовому атеизму. Человек склонен к необдуманым шагам, продиктованным спонтанным решением его внутреннего голоса, управляющего им демона, постоянно сбивающего его с пути. Необходима ли человеку такая форма демократии?

– Для человека очень важна такая предоставленная форма свободной воли, где он может или проявить себя, или опровергнуть. Или продолжить своё существование в развитии цивилизации, либо исчезнуть как древний архаичный вид.

Разумеется, человек определённо не знает и не понимает, что это с ним: Бог напутствовал его, или бес попутал. Он не может без обладания точными науками владеть своими ощущениями, быть подвластным себе, а также разграничить в области бессознательного, то есть неконтролируемого – светлое и тёмное. Вот в этом момент и дана человеку свобода воли, самопознания, самообучения, именно тот вид демократии, который ему и требуется через образование, чтобы сделать свой выбор, не иначе. Об этом говорили все великие просвещённые умы. Вспомните известное высказывание Мухаммада об учёных: «Наука учёного и есть его поклонение перед Всевышним и дорога в рай, если даже он не совершает намаз». Повторюсь в убеждении, что религия и наука общаются с человечеством на одном языке, используя лишь разные термины.

– Согласен с вами, но сомневаюсь вот в чём: не приведёт ли достаточное превалирование в человеческом разуме избытка научной информации к перевесу в отречённости от Бога? Мы не можем отрицать факт нерелигиозности, категорию неверующих, безверие, как предпосылку, приводящую к глобальному атеизму, даже при весьма высокой степени образования. И цифра эта постоянно меняется по каким-то своим сверхъестественным канонам. Примечательно, что люди, ещё вчера бывшие безбожниками, сегодня не покидают храмы, мечети, с неистовством одержимых молясь, а новая формация – это отступники, не признающие Бога, ещё в недавнем прошлом бывшие глубоко верующими людьми, замертво застывающими при совершении земного поклона (суджуд-шукр).

– Предвзятые человеческие воззрения, которыми он пользуется испокон веков, не меняются, как, в принципе, и сам он, а только видоизменяют его философское настроение, направление, состояние. Атеизм сам по себе не представляет никакой угрозы, он не состоит из правил, которыми обычно руководствуются адепты, двигаясь по Божьему пути, стараясь не наследить на нём.

Атеизм – это та же вера, но только в неверие, с более-менее безобидными, простодушными, миролюбивыми его последователями. Серьёзного предметного рассмотрения заслуживает, на мой взгляд, учение деизма, допускавшее Бога, как единого творца мира, и между тем Бога автономного, чужого для независимого человека. По деистическому воззрению после мироздания Господь не вмешивается в людские судьбы, предоставив человеку быть господином своей жизни, общественных явлений и мировых процессов. Последующие защитники деистического учения выбрали не Бога, а себя вершителями судеб. Марксизм-ленинизм раскритиковал подобное волеизъявление человека, доказав общественное развитие на основе объективных условий, делая при этом исключительную оговорку в историческом материализме – не отрицая волюнтаризм, но рассматривая его как явление производное, вторичное.

– Возможно вы правы. Атеизм не страшен, но по каким-то неведомым мне чувствам я предполагал и теперь так думаю, что атеисты – это марионетки в руках тайных кукловодов, которые в действительности веруют в бытие Бога, но сознательно сбивают людей и направляют их по ложной идеологической дороге. Им-то хорошо известны неустойчивость, безмерность, податливость модным тенденциям и сиюминутные шаткие человеческие слабости и принципы. Что ещё нужно, чтобы запутать паству?! Мне неоднократно приходилось дискуссировать с атеистами, и знаете, к какому заключению я пришёл? Почти все они уверяли меня, что религии и Бог – понятия, придуманные сильными мира сего, чтобы запугивать человечество высшей божественной карой и неизбежным наказанием. Это промывание мозгов повторялось и повторялось веками. И меня с той поры осенило, и я задумался об обратном. Бог для них остаётся тайной, покрытой мраком. Бога от атеистов укрывали, как истинное Правосудие, представляя мировые религии как абсурдный человеческий вымысел, в надежде на то, что человечество, которое погрязло в невежестве, разврате, жестокости, само приведёт себя к окончательному биоразложению и уничтожению.

– С этим не поспоришь, – понимающе кивнул Эрнан. – Человечество верно подводит себя к самоуничтожению. Больше нет нужды в кознях и ухищрениях дьявола. Он, молчаливо наблюдая за нами со стороны и слушая реквием (по нам), сладострастно потирает руки.

– Благо, находится ещё человек, поэтично иронизирующий на подобные темы в прозаической нашей реальности, – рассмеялся Гаджи Рагим, – а то с ума можно было бы сойти!

– Гаджи, – произнёс Эрнан голосом тайного провидца, в упор посмотрев на собеседника. – Пусть вас не удивит то, что я скажу: мир окончательно сошёл с ума с того дня, когда отрёкся от коммунистической системы. Человечество приближалось к заветной мечте, на земле становилась бы потерянная жизнь рая. Но лиходеи и моралисты, многоголосым хором изрыгая пропаганду антикоммунизма, изворотливо помешали осуществиться этой ненавистной им мечте. Главным человеконенавистникам были чужды непонятные их уму чувства – сострадание, сердобольность, доброжелательность. Поборники хаоса не только не считали себя причастными к торжеству справедливости, а напротив, подстрекали, усиливали торжество зла, безумия и всеобщей мировой вакханалии. И это отнюдь не дань былому и не предрассудок. Мы все, сторонники мира, не умаляя и не упрощая воздаём признательность идеализму в его первоизданной основе. Знаете, коммунизм, на мой взгляд, это единственная социально-адаптированная система для счастливого проживания на земле, применяемая ко всем без исключения, не прибегая ни к какой изощрённой классификации. По сути, учение марксизма о коммунистическом обществе, как и вся прочая коммунистическая литература Маркса⁷, есть не что иное, как хорошо переписанная копия с Корана.

– Эрнан, вы это серьёзно?! Не могу поверить, что прогрессивный человек вроде вас рассуждает об отголосках утопического прошлого. Социализм себя изжил, а абсолютного, полного коммунизма (full communism), как высшую стадию коммунистической формации, вы правы, мы не дождалась, но только потому, что эти идеи непретворимы в мировую систему.

– Допустим. Гипотетически. Но я не допускаю предположения невозможности создания коммунистического общества, каким бы утопическим оазисом это не считалось. Сейчас, общаясь с живыми людьми в современном социуме, соприкасаясь вплотную с их проблемами, я утвердился во мнении, которое понял ещё много лет назад, что любыми правилами можно пренебречь, а то и вовсе игнорировать их. Нет устойчивых законов, применяемых ко всем, нет также готовых моделей, относящихся ко всем и действующих для всех, как нет на данный момент и строя, который не может быть неприемлем для реализации общечеловеческого блаженства. Все течёт – всё меняется. Нельзя отрицать незримое, неосязаемое, тем более если оно пока сокрыто от понимания. Разве вам, Гаджи, не приходилось замечать, что очень часто люди занимаются любимым делом не ради денег, перспектив или от безысходности, а просто потому, что они любят своё дело и поглощены работой, с которой сливаются в одно целое? Вы можете сказать, что деньги служат стимулом в их работе, я же отвечу, что эти люди останутся неизменно преданными любимому делу вне зависимости от денег и не реагируя на наличие так называемых «ценных бумаг». Бесчисленное количество раз мы волей-неволей встречались с таким индивидуумом, который всецело, безоглядно отдаёт себя полностью любимому занятию, и если его лишит любимого дела, это значит лишить его доступа к естественному источнику света. Таких индивидуумов множество, и они составляют часть жизни в нашем большом муравейнике. В коллективном сообществе они коммуникабельны, общительны, при этом, неустанно выполняя свою работу, получают колоссальное удовольствие от контакта с собратьями и окончательно проделанной работы. Мы же, погружённые в себя, завернутые в собственные мысли, порой сознательно и слепо пренебрегающие внешней красотой мира, забываем задать себе очень простой вопрос: «Отчего они так счастливы?» У таких экстравертов, полагаю, один девиз по жизни, один закон, по которому они живут и трудятся: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям». Помня о главном, я при всём своем либерализме и уважении ко всем остаюсь консерватором.

– Ну хорошо, пусть будет так, – сдался Гаджи Рагим, прищурившись. – Я политической ориентации не имею, в Советском Союзе был беспартийным, остался им и теперь, спустя почти тридцать лет после его развала. Но мне, простите мою наивность, не видится ясного будущего за коммунизмом. Считать, что коммунистические идеи были переняты из святой книги, это не просто ересь, а кощунство, богохульство. Мне импонирует ваша честность, но нельзя закрывать глаза на отрицание Бога в марксистско-ленинской идеологии. Здесь неуместны разговоры о копии из Корана, а уж тем более выводы о предполагаемом профессиональном плагиате.

– Что бы вы не говорили, Гаджи, я не могу не согласиться с вами. В чём-то вы, конечно, правы, однако смею предположить, что весь мусульманский мир подспудно лелеет идею пролетарского интернационализма. Для кого пишутся концепции, программы, резолюции, как не для угнетённых классов? Пользуясь интересами трудящихся и нуждающихся, манипуляторы в разные эпохи жонглируют сущностью Бога бесчестно, бесчеловечно, добавляя либо убирая пункты о нём из кодексов и уставов. Коммунисты, также опираясь в архиважных идеях о содружестве мира и в априорном познании на всеобщее братское равенство, являются не кем иными, как мусульманами. Впишите, добавьте Бога в атеистический коммунизм, и вам предстанет исламская религия. Удалите, вычеркните Бога из ислама, – получите фундаментальный коммунизм.

Вероятно, это было некогда роковой ошибкой Ленина – непризнание Бога. Ведь планета, объята более чем наполовину мировым коммунизмом, повернула ось истории вспять, в никуда, к смуте и хаосу. Не смотрите вы на меня такими оскорбленными глазами, Гаджи! – ласково сказал Эрнан, видя, как меняется мимика на лице служителя. – Хорошо, отложим на время мои воззрения, плохо мной объяснимые или, возможно, недопонятые вами. Рассмотрим, к примеру, другой вариант, который имеет место в политической истории. Вы слышали об «Основах третьей мировой теории» ливийского лидера Муаммара Каддафи, впервые опубликованного книгу в 1973-1974 годах? В качестве главной задачи в ней провозглашалось построение «подлинного социалистического общества на основе принципов ислама». Эта теория провозглашала новую идеологию «орудия правления», которая объявлялась «альтернативой капиталистическому материализму и коммунистическому атеизму».

Разве путь ко всему здоровому пролегает не через образование, не через учение? Не это ли основа ислама и всех предыдущих религий, Гаджи?

– Эрнан, вы всегда такой? Отстаиваете свои взгляды, не сдаётесь и убедительно, планомерно продвигаетесь к цели? Нам бы таких миссионеров, как вы!

В это самое мгновение оглушительным назидательным эхом прозвучало пение муэдзина, призывающего людей на утреннюю молитву. Эрнан, независимо от себя, встал со стула, прислушиваясь к азану. Пение встревожило его, оно не походило на те монотонные, минорные, безжизненные исполнения, которые он слышал ранее, ставшие неким бесчувственным ритуалом в механически выполняемой работе. Оно призывало всю окрестность к скорейшему спасению души. Тембр голоса муэдзина, драматическое чтение им молитвы, наполненной душевной болью, настраивало верующих в этот утренний час заглянуть в собственную душу.

Эрнан, в оцепенении отключившись от внешних признаков жизни, отвлекающих суетностью повседневности, не реагируя на естественные звуковые раздражители, поступающие извне, позабыв на миг о присутствии Гаджи Рагима, упоительно слушал утренний благодетельный азан. И сознание Эрнана, взбудораженное воздушной лёгкой негой от приятного пения, перенесло его в незнакомый город.

В дивном городе, в котором оказался Эрнан, среди модернизированных многоэтажных домов, незнакомых биологии деревьев и прозрачных водоёмов царил атмосфера мистического экстаза. В середине центрального парка с резвившимися детьми, взрослыми и разными видами фауны находилось невероятной чистоты и прозрачности озеро. Изумрудная, поблес-

квивающая от рыжеватого солнечного света гладь озера, пропитанная шекочущим обоняние ароматом восточных пряностей, манила к себе людей с деловитостью аристократского снобизма, при этом сохраняя приличия гостеприимства. На сочной молодой зелёно-бирюзовой траве отдыхали люди, на лицах которых не было ни малейшего проблеска задумчивости о бренности бытия. Влюбленные пары, не отвлекаясь на других и никого не замечая, были поглощены собой. находясь в пограничном состоянии одурманивающего воркования и волшебства туманной неги, ни украдкой, ни каким-либо движением, ни вожделенным взглядом не опорочив себя. Это наивысшее состояние в партнерских отношениях как бы придавало каждой паре ореол целомудренности..

Странные неиспытанные чувства поразили Эрнана: как такое возможно, что в перенаселённой местности в условиях мегаполиса, идентичной с тропической инфраструктурой, где человек человеку – волк, цепляющийся за все необходимые ухищрения к выживанию, лишь бы не остаться голодным и плотски неудовлетворенным, здесь, в этом причудливо искаженном уголке мира никто не зарится, не посягает на чужую собственность?

Эрнан оказался среди этих людей единственным человеком без пары, и, заметив очаровательных женщин невероятной красоты, точно гурии расхаживающих под руку со столь же прекрасными, антично сложенными мужчинами, был восхищён их стойкостью перед вездесущим охотником, изнывающим от скрыто сидящего внутри червячка соблазна, который был бы не прочь полакомиться в чужом саду.

Если жители неизвестной столицы не помышляли ничего преднамеренного, недостойного человека поступка: мужчины – злого, а женщины, которые опускали глаза не только перед чужаком, но и перед знакомыми мужчинами, – дурного, то Эрнан, никогда и ничего предосудительного не помышляющий, оценивал, восхищался и ставил выше неземную красоту здешних женщин, сердцем безмолвно благодаря Всевышнего за неоскверненное похотью зрение.

Некоторое время он стоял неподвижно, любуясь увиденным, точно после оглушительного удара по переносице какой-то чудотворной силой, восторженно объясняя самому себе небывалый феномен.

Между тем воздух, пронизанный ароматами шербета, шафрана, мяты, чёрного тмина, наполненный переливом певчих птиц, придавал городу волшебство необратимости процесса. В застывшем ритме казалось, будто жизнь стоит, а зависшие в ней люди не чувствуют скорость времени, бесконечность пространства и безграничность расстояний, и это не отягощает их. Никто не подавал признаков беспокойства, суеты, не слышались праздные разговоры, досужие сплетни и болтовня про мелкие хлопоты, достигающие катастрофических гигантских размеров. Узаконенная высшим муниципалитетом круглогодичная фиеста не имела ни начала, ни конца, сближая при этом всю общину. Воцарившаяся идиллия фиесты привела сограждан к привычной обыденности на пир во время высококонравленной сиесты, случайным свидетелем которого стал Эрнан.

Обжигающее солнце в глаза и чья-та встревоженная глухая речь амплитудной сильной мощностью, будто при шоковой терапии, возымели реальное действие. Слова в живых, не постановочных, случайных ситуациях, сказанные нам или нами спонтанно, либо экспромтом, или порой брошенные нами на ветер и молотом бьющие по чужим, приводят в чувство лучше, чем человеческий, осложнённый им самим поступок.

– Простите, вы о чём-то говорили, Гаджи? –спросил Эрнан, потрогав затылок и слегка надавив на него ладонью.

Давно взошло солнце. За порогом мечети, как и вчера, всё по-прежнему двигалось и вращалось в суматохе. Мальчишки-продавцы подбегали к машинам, предлагая кто вареную кукурузу, кто пирожки, а иные продавали мороженое. Кафе работало на славу, с аншлагом, собирая одних клиентов и синхронно отпуская других. К длинному ряду латунных, изготовленных на

современный манер краников, непрерывно подходили люди – кто освежиться, умываясь ледяной водой, а кто утолить жажду.

За порогом мечети мир оставался в неведении о том, что творилось внутри, и вряд ли после узнает о неумолимых, жарких, теологических, общественно-политических, философских дискуссиях, происходящих в стенках божьего дома.

Волею истории беспробудно спящее человечество обречено на размолвки и конфликты. Болезненное массовое бедствие ныне рождающихся поколений, спровоцированное ещё с незапамятных времён прежде живущим покалеченным поколением, прошедшим через катаклизмы, мировые войны, эпидемии, сумму природных явлений и в итоге сложившимся результатом всего этого, составляет основу убогого юродивого мирового общества. История человеческой трагедии естественным образом вьелась в мозг, как хроническая болезнь в карту памяти, генетически передавая из раза в раз новым поколениям позабытое послание. Но за тысячелетиями приобретённый человеком иммунитет дарит ему безапелляционную амнистию от понимания гражданского самосознания и чувства долга.

– Вы меня по-хорошему поразили – красноречием, умелой дипломатией, даром убеждения и пикантным подходом к извечным темам. Я поэтому и спросил: вы такой всегда?

– Право, не знаю, что и сказать. Пожалуй, мы узнаём о себе из уст других – как при жизни, так и после смерти.

– Простите, Эрнан, я не могу принять это за ответ. Теперь вы просто обязаны мне о себе рассказать! – с сияющим лицом и добрым смехом сказал Гаджи Рагим, и, немного погодя, с лёгкой задумчивостью искренне добавил: – Пожалуйста, уважьте любопытство старика.

Эрнан допил остывший чай, а потом с чуткостью, присущей ребёнку, по-детски внимательно глянул на Гаджи Рагима.

– С тех пор, как я стал понятен себе, я стал доступен и другим. Говорил недвусмысленно и чётко. Там, где все вокруг могли раздуть глобальные проблемы, я обходил стороной наивные и глупые темы, иногда, но не всегда объяснял незначительность предмета, сглаживал острые углы и не разменивался по мелочам. А там, где все поголовно зажмуривали глаза и закрывали рты от слепого неведения или от наигранного идиотизма, не придавая значения понятию о морали, я, ни секунды не думая о том, что моё поведение может причинить кому-то боль и страдание, никому не давая спуска высказывал всё, о чём думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.